

Дедяное сердце дракона

Лоес Моррен

Лоес Моррен

Ледяное сердце дракона

<https://litres.ru/74619042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я бежала от мужа, который умеет находить людей по следам их боли. С маленькой дочерью на руках, без денег и надежды на помощь. Зброшенный сад на графских землях должен был стать нашим убежищем всего на одну ночь, но моя дочь разбудила его тени.

Теперь сад шепчет мне тайны графа Адриана Вейрна — дракона, похоронившего свою истинную пару и закрывшего сердце для любви. Он предлагает нам защиту, дочери чинит качели, а на меня смотрит так, что я впервые за долгие годы чувствую себя желанной.

Я хочу поверить ему. Хочу остаться в доме, где мой ребёнок смеётся, а мне больше не приходится просить прощения за каждый шаг.

Только сад питается чувствами. Чем ближе мы с графом становимся, тем ярче цветут его растения, и тем легче преследователю найти нас.

Бывший муж уверен, что я принадлежу ему. Граф боится снова потерять любимую. А я должна решить, хватит ли мне смелости

бороться за счастье, в котором найдётся место и мне, и моей дочери.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лоес Моррен

Ледяное сердце дракона

Глава 1

К сумеркам Лея перестала спрашивать, сколько нам ещё идти. Она только крепче сжимала мою руку и старалась наступать на самые ровные камни, будто от этого дорога могла стать короче. Каждый её осторожный шаг отдавался у меня под рёбрами больнее, чем собственные стёртые пятки.

Над полями висел запах дождя, а у горизонта темнели крыши деревни. Там наверняка топили печи, резали хлеб и сердились на детей, которые не хотели мыть руки перед ужином. Я смотрела на первые огоньки и подсчитывала, сколько монет останется, если заплатить за комнату, а потом заставляла себя думать о другом: хозяин постоялого двора непременно спросит наше имя.

— Мам, я больше не могу быстро, — сказала Лея, остановившись возле придорожного столбика. — Если мы опоздаем, ты скажешь, что это из-за меня? Я могу ещё немножко, только пусть Заяц пока поедет в твоей сумке.

— Мы никуда не опаздываем, солнышко, — ответила я, опускаясь перед ней на колени. — А твои ноги сегодня сделали столько, сколько взрослые не всегда могут. Сейчас мы

сядем, и я посмотрю, почему этот башмак решил с тобой поссориться.

Лея осторожно поставила тканевого зайца мне на колени. У него осталось одно ухо, второе я обещала пришить, когда мы перестанем спать под чужими навесами. Сняв с дочери башмак, я увидела лопнувший пузырь и достала прибрежённую мазь вместе с полоской полотна.

— Щиплет только сначала, — сказала я, смазывая натёртую кожу. — Потом будет легче, обещаю. А завтра мы найдём что-нибудь мягкое и подложим под пятку, чтобы башмак больше не важничал.

Лея кивнула и прижала к груди зайца, которого я успела вынуть из-под своего локтя. Мне хотелось взять её на руки и донести хотя бы до деревни, но при попытке встать потемнело в глазах. Последнюю лепёшку мы делили утром, и я слишком убедительно сказала дочери, что сама не голодна.

— А когда мы вернёмся домой? — спросила она, наблюдая, как я завязываю полотняную повязку. — Там есть мои большие башмаки, которые папа велел не надевать без него. И коробочка с камнями осталась под кроватью.

До этого вопроса я отвечала, что нам нужно немного побыть в другом месте. Слова помогали пройти следующий поворот, пережить ещё одну ночь и не увидеть в её глазах весь размер нашей беды. Сейчас они стали тесными, как башмак, который я держала в руке.

— В тот дом мы не вернёмся, Лея, — сказала я и застави-

ла себя смотреть на неё. — Камни мне тоже жалко, особенно белый, похожий на яйцо. Мы найдём для тебя новую коробочку, но жить будем там, где тебе не придётся спрашивать разрешения надеть свои башмаки.

Дочь опустила глаза и поковыряла пальцем прореху на заячьем животе. Я ждала слёз или просьбы вернуться за камнями, однако она спросила, можно ли в новом доме оставлять свет перед сном. Ответить на это оказалось труднее, чем произнести всю правду о побеге.

— Можно, — сказала я, разглаживая её волосы. — И звать меня можно столько раз, сколько понадобится. Даже если ты уже большая и даже если тебе просто приснилась неприятная птица.

Мы посидели ещё немного, слушая, как ветер перебирает сухие стебли у дороги. Потом из деревни донёсся стук копыт, и моя рука сама легла на плечо дочери. Я увела её за широкий придорожный вяз раньше, чем поняла, что всадник лишь торопится к дому.

От вяза в сторону уходила заросшая тропинка вдоль каменной стены. Всадник уже скрылся, но возвращаться на дорогу я не захотела и повела дочь по узкому проходу. На столбе возле стены сохранилась позеленевшая пластина с фамилией Вейрн, которую я когда-то видела на карте отца.

Калитку я заметила благодаря шиповнику, который переплёл прутья слишком густо даже для многолетней запущенности. Его ветви были живы, но словно забыли, в какую сто-

рону следует расти, а от корней поднималось знакомое мне ощущение тяжести. Так бывало с растениями, оставленными в воде после долгого дождя, только здесь земля под ногами оставалась почти сухой.

— Тут можно спрятаться от дождя? — спросила Лея, выглядывая из-за моей руки. — Я тихо буду, даже если там кто-нибудь спит. Заяц тоже умеет, ему ведь нечем разговаривать.

Я коснулась холодной щеколды и посмотрела вдоль стены: ни окон, ни сторожевой будки, ни следов свежих колёс. За прутьями темнел сад, а между деревьями виднелась высокая стеклянная крыша. Мысль о ночлеге под ней оказалась сильнее страха перед чужой собственностью, и я осторожно потянула калитку на себя.

Она поддавалась так легко, будто кто-то изнутри снял засов в ту самую секунду, когда я решила войти. Сухие ветви зацепились за рукав, и я высвободила ткань, стараясь не переломить побеги. У отца была привычка здороваться с запущенными садами, прежде чем браться за секатор, и сейчас я почти услышала его негромкое: «Ну, покажите, что у вас тут случилось».

Мы прошли мимо заросшей клумбы и круглого фонтана с сухой чашей. На его краю сидела каменная птица с обломанным крылом, а вокруг валялись остатки белых лепестков, хотя ни одного цветущего растения поблизости я не заметила. Стеклянная крыша впереди оказалась разбитой, но у её основания нашлась пристройка с настоящей дверью.

Я попросила Лею подождать на пороге и заглянула внутрь. Там стоял рабочий стол, несколько глиняных горшков и узкая скамья, под которой лежала свёрнутая мешковина. Никто не жил здесь давно: на полу скопилась пыль, в холодном очаге сохранилась зола, а паук успел протянуть сеть между дверной ручкой и стеной.

— Зайцу нравится, — объявила Лея, когда я впустила её. — Он говорит, что у этого дома хорошая крыша. Только окно грязное, и поэтому ему немножко не видно.

— Значит, крышей мы пока довольны, — ответила я, закрывая дверь. — А окно оставим в покое до утра. Сейчас устроим вам с Зайцем постель, чтобы он перестал ворчать на каждую пылинку.

Я проверила мешковину, вытряхнула её за порогом и накрыла своим плащом. Нашлось и ведро, которое после тщательного осмотра оказалось пригодным для воды. Оставив дочь разбирать содержимое сумки, я вышла к низкому каменному колодцу, замеченному возле оранжереи, и осторожно подняла крышку.

Вода в колодце оказалась чистой, и я наполнила ведро, чтобы вымыть дочери ноги. Вернувшись, промыла натёртую пятку, наложила свежую повязку и помогла снять второй башмак. Потом достала горсть сушёных яблок, которую берегла с самого утра, и высыпала на чистый платок.

— Это ужин или ещё немножко перед ужином? — уточнила она, выбирая самый светлый ломтик. — Я могу не всё

сразу съесть. Если яблоки ночуют в сумке, они же не портятся?

— Это наш сегодняшний ужин, — призналась я и села рядом. — Завтра я посмотрю, что осталось на деревьях, и найду что-нибудь посытнее. А яблоки пусть ночуют где хотят, лишь бы сначала дали нам немного сил.

— Мам, там кто-то проходит, — прошептала она, когда я укрыла её своим плащом. — Вон за окном, только у него ноги не туда. Он идёт к нам, а сам всё дальше.

— Может быть, ветка качается, а мы видим её через старое стекло, — сказала я, опуская на окно пустой мешок. — Здесь всё немного кривое, даже стол сердится, когда его задевают. Я посижу возле тебя, пока ты не уснёшь, и сама посмотрю, кто там гуляет.

Лея вцепилась в мои пальцы и попросила спеть тихую песню про грушу. Я пела вполголоса, вспоминая слова, которые когда-то слышала от отца, и на третьем повторении её ладонь расслабилась. Ещё некоторое время я сидела, не двигаясь, потому что это была первая ночь за четыре дня, когда дочь заснула под крышей.

После дождя снаружи пахло сильнее, и я вышла на порог, оставив дверь приоткрытой. Под стеной пристройки рос куст, почти задушенный собственными мёртвыми ветвями; на живом стебле висел сломанный побег, обдирая кору. Я осторожно срезала его ножом и освободила основание от мокрых листьев, делая привычную работу прежде, чем успе-

ла решить, имею ли на неё право.

Я подержала ладонь на земле возле корней, пытаюсь понять, отчего болеет растение. Обычно мой слабый дар помогал различить нехватку воды или гниль. Сейчас от корней поднималось ощущение долгого ожидания.

Когда я убрала руку, на самом верхнем стебле развернулся маленький зелёный лист. Для ранней осени это было странно, а для куста, который минуту назад едва держался живым, почти невозможно. Я коснулась листа ногтем, убедилась, что он настоящий, и вдруг ощутила щемящую радость, которой не было места на дороге.

Возле фонтана кто-то негромко произнёс: «Подожди». Я обернулась так резко, что мокрый подол ударил по голениям, и сразу посмотрела на дверь, за которой спала Лея. В глубине сада между деревьями теплился свет, похожий на отражение свечи в тёмном стекле.

Сначала я хотела запереться, но у двери не было ни засова, ни целого замка. Если по саду ходил сторож, лучше было объясниться самой, прежде чем он нашёл ребёнка. Я взяла нож, вернулась на мгновение проверить Лею и пошла к фонтану, стараясь держать пристройку в поле зрения.

С каждым шагом воздух становился холоднее, хотя дождь уже закончился. У сухой чаши стояла женщина в светлом платье, а напротив неё — высокий мужчина без плаща, словно они вышли сюда в тёплый летний вечер. Между мной и ними лежала мокрая дорожка, но под их ногами камни оста-

вались сухими.

— Нижний круг больше не держит, — сказала женщина и подняла руку к груди. — Я чувствую, как память выходит за границу. Если она дойдёт до дома, люди не поймут, что с ними происходит.

— Тогда уходи от чаши, — ответил мужчина, протягивая ей ладонь. — Мы перекроем дорожки и выведем всех из восточного крыла. Дай мне время добраться до внешних ворот, и я вернусь за тобой.

Я хотела спросить, не нужна ли им помощь, но сквозь платье женщины вдруг проступила ветка за её спиной. На лица обоих ложилось дрожащее серебристое сияние, скрывая черты. Мне следовало вернуться к дочери, однако от испуга я могла думать только о том, чтобы чужие люди не нашли её первыми.

— Здесь ребёнок, — произнесла я, сама удивившись тому, что голос послушался. — Мы ничего не брали и уйдём утром. Только не подходите к оранжерее, пожалуйста.

Никто не повернулся в мою сторону, а женщина продолжала смотреть на мужчину. Возле её ног засветились тонкие линии, обводя чашу фонтана и расходясь по дорожкам. Мне вспомнились защитные знаки на городских воротах, только эти двигались, пульсируя под камнем.

— Я удержу середину, пока ты закрываешь проход, — сказала она. — Но потом ты должен открыть мне путь, слышишь? Не оставляй всё запертым, даже если будет казаться,

что так безопаснее.

Мужчина исчез, словно его вырезали из ночного воздуха. Женщина осталась внутри светящегося круга, и по её лицу прошла тень боли, которую она уже не пыталась скрыть. Каменная птица над чашей зазвенела так тонко, что я зажала свободной рукой ухо.

Вспышка ударила без звука, ослепив меня до белых пятен. Я присела, закрывая голову, а когда снова смогла смотреть, у фонтана уже стоял мужчина с женщиной на руках. Его рубашка почернела по рукавам, и пальцы, поддерживавшие светлую голову, были обожжены.

Он опустился на колени, прижимая её к себе слишком осторожно для такого сильного человека. Женская рука свесилась к земле, и я вдруг поняла, что он ждёт движения, которое больше не произойдёт. Знакомое ожидание подхватило меня прежде, чем я успела защититься: так я когда-то держала остывающую ладонь отца, убеждая себя, что ещё не всё кончилось.

— Посмотри на меня, — попросил мужчина, и в его голосе не осталось ничего от прежней уверенности. — Я здесь, я открыл проход. Пожалуйста, только посмотри на меня.

Пристройка оставалась видна между двумя яблонями, и я заставила себя повернуться к ней. Мне пришлось несколько раз остановиться, чтобы не упасть, потому что колени перестали держать вес. В комнате Лея спала, уткнувшись носом в заячью голову, и я опустилась рядом, ощупывая её тёплую

ладонь до тех пор, пока чужая потеря не отступила.

Я легла возле дочери, продолжая держать её ладонь в своей. Сквозь стены ещё доносились шорохи, однако Лея дышала спокойно, и под утро меня сморил сон. Проснувшись я от того, что она пыталась накрыть меня краем плаща.

— Ты тоже замёрзла? — спросила дочь, заметив, что я открыла глаза. — Я немножко подвинусь, и мы обе поместимся. Заяц может полежать на столе, ему не обидно.

Я обняла её слишком крепко, потом ослабила руки и поцеловала в макушку. При дневном свете комната выглядела бедной, пыльной и вполне обычной, а за мешком на окне щебетали птицы. Мне очень хотелось поверить, что ночное видение родилось от голода, но пальцы всё ещё помнили холод у фонтана.

Пока Лея надевала здоровый башмак, я подошла к фонтану и заметила под мхом небольшую табличку с именем Элары. Под ним были две даты, последняя относилась к осени восемь лет назад, а ниже виднелись слова о сохранённом свете. Утренний воздух был тёплым, но я стояла, обхватив себя руками, и думала о женщине, которая просила оставить ей путь обратно.

Лея окликнула меня от оранжереи, и я сразу вернулась к ней. Остаться здесь ещё на одну ночь я больше не собиралась, однако уходить без еды с ребёнком, который едва мог наступать на ногу, было невозможно. Я сказала дочери, что найду нам завтрак, и взяла ведро, чтобы собрать хотя бы

опавшие груши.

Фруктовые деревья росли вдоль стены, неподалёку от пристройки. Я оставила Лею на скамье у открытой двери и велела звать меня, если кто-нибудь появится; отсюда я могла видеть и её, и калитку. Дочь устроила зайца рядом и начала рассказывать ему, почему некоторые дома долго стоят без людей.

Под первой грушей лежали только сгнившие плоды. На второй сохранилось несколько крепких, слишком высоко для моей руки, но у стены нашлась длинная жердь. Я осторожно сбила две груши в подол, проверила их и ощутила такое облегчение, будто мне удалось приготовить настоящий завтрак.

Лея сидела боком к двери и говорила что-то дереву, оставив зайца на скамье. Под яблоней темнел небольшой круглый силуэт, который не переместился, когда солнце выглянуло из-за облака. Я поспешила к дочери, придерживая подол с грушами.

— С кем ты разговариваешь? — спросила я, подходя с грушами. — Я думала, Заяц сегодня молчит. Ты же сама говорила, что у него нет рта.

— Он и молчит, — ответила Лея, уступая мне край скамьи. — Это маленькая под деревом, она потеряла конец песенки. Я ей сказала, что мама много знает, но тебя пока лучше не отвлекать.

— Лея, мне нужно, чтобы ты сейчас пошла в комнату, —

сказала я как можно спокойнее. — Мы возьмём завтрак и соберём вещи. Песенку оставим, она ведь может подождать до другого раза.

Дочь послушно поднялась, но оглянулась через плечо. В воздухе возникли три тихие ноты, и я узнала старый напев, который отец мурлыкал, подвязывая саженцы. От узнавания я растерялась на какую-то секунду, а Лея тем временем радостно вздохнула и закончила строку: «Спи до зова, сад живой».

Скамья под моей ладонью потеплела. По яблонево́й коре вверх прошла серебристая полоса, и на ветвях начали набухать почки, слишком быстро раскрываясь в белые цветы. Я потянула дочь к двери, но корни под дорожкой шевельнулись и подняли старый камень, заставив меня споткнуться.

Лея вскрикнула, и я успела подхватить её прежде, чем она упала на больную ногу. За нашими спинами сухая чаша фонтана наполнилась водой, словно кто-то открыл подземный источник. Вода плеснула через край и потекла по дорожке, хотя никакой трубы над чашей не было.

— Я только допела, — сказала дочь, вцепившись в мой рукав. — Она же не сказала, что нельзя. Mam, я не хотела ничего ломать, у неё такая грустная была песенка.

— Я знаю, солнышко, — ответила я, обнимая её одной рукой и пытаюсь открыть дверь другой. — Ты ничего не делала нарочно. Сейчас зайдём внутрь и подумаем, как выбраться, только держись за меня крепко.

Дверь заело, хотя ночью она двигалась свободно. У порога уже тянулась молодая ветка, и я перерезала её ножом, ненавидя себя за бессмысленную мысль попросить у растения прощения. Дерево над нами вздрогнуло, осыпав волосы дочери белыми лепестками, а от дальней стены донёсся первый голос.

Мне удалось распахнуть дверь, и я втолкнула Лею внутрь. Заяц остался на скамье, но я заметила это лишь по тому, как дочь вытянула к нему руку. Пришлось сделать ещё два шага наружу, схватить игрушку и отступить, когда по земле у моих ног пробежала человеческая тень без человека.

— Посмотри на меня, — попросила я, присаживаясь рядом. — Ты не плохая и не сделала ничего плохого. Я сама привела нас сюда, а взрослые иногда тоже не знают, что спрятано за чужой калиткой.

За окном кто-то произнёс имя женщины, которую я видела ночью, и фонтан ответил более громким плеском. Я оглядела комнату в поисках другого выхода, но маленькая форточка под потолком была слишком узкой даже для Леи. Нужно было пройти через сад к калитке, а потом вернуться на дорогу, где я ещё вчера боялась обычного всадника.

Я быстро сложила вещи в сумку и подняла Лею на руки, прежде чем выйти на порог. Между яблонями мелькнул чёрный силуэт, и первой страшной мыслью было, что Оскар нас нашёл. Но появившийся мужчина двигался иначе, быстрее и без привычки останавливать людей одним только видом.

За ним шла женщина в тёмном платье, подбирая юбку на поворотах дорожки, и оба смотрели прежде всего на деревья. Мужчина остановился у фонтана, провёл рукой над водой и только после этого поднял глаза на нас. Я прижала дочь крепче, не зная, стоит ли надеяться на помощь.

Теперь я увидела тёмный безупречный сюртук с серебряным знаком и лицо с серыми глазами, слишком спокойное для происходящего вокруг. Он остановился достаточно далеко, чтобы не коснуться нас даже вытянутой рукой. Я поставила Лею за спину и незаметно повернула нож рукоятку вверх, понимая, насколько нелепо это выглядит.

— Кто вы и каким образом вошли в сад? — спросил он. — Калитка была закрыта, а оранжерея не предназначена для ночлега. Мне нужно знать, что вы здесь делали.

— Калитка открылась, когда я потянула за щеколду, — ответила я. — Мы искали крышу на одну ночь и не знали, что здесь происходит. Если это ваша земля, мы уйдём, только дайте мне несколько минут собрать ребёнка.

— Меня зовут Брина, я управляю поместьем, — сказала его спутница. — А это граф Вейрн, хозяин здешних земель. Девочка ранена или просто натёрла ноги, сударыня?

— Девочка натёрла ноги, а я взяла немного воды и две груши, — ответила я, достав из кармана монеты. — Могу заплатить, хотя не знаю, сколько они стоят. Куст у стены я подрезала сама, но всё остальное началось внезапно.

Граф не взял монеты и спросил, касались ли мы фонтана

или произносили какие-нибудь слова возле деревьев. Я хотела ответить, но Лея вдруг вышла из-за моей спины. Она держалась за юбку и смотрела на серебряный знак так, словно он тоже мог её услышать.

— Я песенку допела, — призналась дочь, глядя на серебряный знак. — Маленькая тень забыла, чем кончается, а я вспомнила. Только мама не знала, и её ругать не надо, она груши собирала.

Граф медленно опустил взгляд на дочь. Сад вокруг нас не затихал, но он вдруг перестал смотреть по сторонам, словно услышанное оказалось важнее всей поднявшейся магии. Я придвинула Лею к себе и приготовилась объяснить, что ребёнок не понимал последствий.

— Какая тень? — спросил он, на этот раз тише. — Она говорила с тобой словами? Ты можешь показать, где она была, не подходя туда?

— Теперь она молчит, — сообщила дочь, показывая на яблоню. — А большая возле воды говорит, что вы очень давно сюда не ходили. Она помнит, как вы плакали, и ей было вас жалко.

Незнакомец отступил на полшага, будто девочка прикоснулась к открытой ране. На его правой руке дёрнулись пальцы, и из-под безупречного манжета показалась тонкая светлая полоска старого ожога. Я посмотрела на неё, потом на фонтан, но воспоминание никак не хотело складываться целиком.

— Лея, не нужно повторять всё, что ты слышишь, — сказала я и присела возле неё. — Иногда это чужие слова, и человеку может быть больно. Подержи Зайца, пожалуйста, а я договорюсь, когда мы сможем уйти.

Дочь прижала игрушку к груди и послушно отступила, однако при этом неловко поставила больную ногу. Она втянула воздух сквозь зубы, и маленькое лицо сморщилось прежде, чем удалось скрыть боль. Граф заметил это и опустился на одно колено, сохранив между собой и ребёнком расстояние.

— Я не стану трогать твой башмак, — сказал он, когда Лея попятилась ко мне. — Только хочу понять, можешь ли ты идти. До дома есть сухая дорожка, и там найдётся человек, который умеет лечить такие ноги.

— Я тоже умею, — ответила я слишком резко и тут же почувствовала, как вспыхнули щёки. — Просто у меня кончилась мазь, а она долго шла. Я промыла рану и перевязала, но нужен чистый чулок.

— Тогда начнём с чистого чулка, — произнесла Брина, будто это был обычный разговор о завтраке. — И с горячей воды, если вы не против. В таком виде ребёнку не стоит снова выходить на большую дорогу.

Мне захотелось согласиться так сильно, что я сразу начала искать подвох. Оскар тоже умел предлагать необходимое раньше, чем объяснял цену, и я слишком хорошо помнила, как благодарность превращалась в обязанность. Граф поднялся, но не приблизился, ожидая моего ответа с неподвиж-

НЫМ ЛИЦОМ.

— Вы собираетесь задержать нас? — спросила я, стискивая ремень сумки. — Я понимаю, что вошла без разрешения, но дочь ни в чём не виновата. Если нужны мои имя и объяснение, я дам их, только её оставьте со мной.

— Никто не собирается разлучать вас с ребёнком, — ответил он. — Мне необходимо выяснить, почему проснулся сад, а вам сейчас необходимы еда и отдых. До тех пор, пока мы не разберёмся, я предлагаю вам обоим оставаться в поместье под моей защитой.

— Одну ночь, — сказала я наконец, пряча монеты. — А дальше мы поговорим, когда я смогу ответить на ваши вопросы не стоя на пороге. Мне нужно понимать, на каких условиях мы остаёмся.

Граф коротко наклонил голову, соглашаясь на разговор. Брина протянула руку к моей сумке, спросила, можно ли помочь, и взяла её только после моего кивка. Я подняла Лею, чувствуя, как дрожат руки от усилия и облегчения, и пошла следом за управляющей по свободной от корней дорожке.

Возле фонтана граф задержался, словно не мог заставить себя пройти мимо. Вода колыхнулась без ветра, и из-под каменной птицы донёсся тот самый женский голос, который ночью просил оставить проход открытым. Он произнёс лишь имя: «Адриан», но этого оказалось достаточно, чтобы я остановилась.

Я обернулась и увидела его лицо сбоку, обращённое к на-

полненной чаше. Перед глазами возникли обожжённые руки, светлая голова на плече и мужчина, который просил мёртвую женщину посмотреть на него. Хозяин сада стоял в нескольких шагах от меня, и теперь я знала, чьё горе не дало мне уснуть этой ночью.

Глава 2

За садовой стеной начиналась широкая дорожка, по краям которой ещё держались последние цветы. Я шла вслед за Бриной, прижимая Лею к груди, и всё ждала, что граф окликнет нас и передумает. Он двигался позади молча, а серебряные листья на ближайших деревьях поворачивались к нему даже там, где не было ветра. У боковой лестницы светлого дома я замешкалась, разглядывая высокие окна и чистые каменные ступени.

Дочь положила голову мне на плечо и спросила, будут ли в доме другие дети. Я ответила, что пока не знаю, и поцеловала её в волосы, пахнувшие пылью и яблоневым цветом. После ночного видения близость Адриана тревожила меня странным образом: теперь за его ровными словами я слишком ясно слышала голос мужчины, просившего умершую женщину очнуться.

— Через эту дверь ближе к кухне, — объяснила Брина, заметив мою заминку. — Парадную оставим людям, которым нравится долго ждать на лестнице. А у нас есть девочка, которую следует покормить раньше, чем она уснёт у вас на руках.

Она распахнула дверь, и в нос ударил запах горячего хлеба. Лея подняла голову, а у меня вдруг заболело горло от желания сесть за обычный стол и перестать думать хотя бы на

четверть часа. В узком коридоре навстречу вышла молодая служанка с корзиной полотенец, но Брина отправила её за водой без расспросов и удивлённых взглядов.

Нас усадили в небольшой комнате рядом с кухней. Перед дочерью поставили кашу, мягкий хлеб и чашку тёплого молока, а я помогла ей вымыть руки и спрятала заячье ухо под салфетку. Лея посмотрела на меня, дожидаясь разрешения взять ложку, и Брина деликатно занялась огнём в камине.

— Здесь всё для тебя, — сказала я, пододвигая миску ближе. — Начни с каши, а хлеб подождёт, он никуда не торопится. Я буду совсем рядом, даже если на несколько минут выйду поговорить.

Адриан ждал у двери соседней комнаты, оставив её открытой. Отсюда можно было видеть дочь, а её сосредоточенное сопение над миской перекрывало любой звук из кухни. Граф указал на кресло и только после того, как я села, занял место по другую сторону маленького стола.

— Теперь мне нужно ваше имя и объяснение, — произнёс он. — Не история каждого дня, проведённого в дороге, а то, что поможет понять опасность. Есть ли человек, который станет вас искать и может прийти сюда?

— Мирелла Ренар, — ответила я и подняла глаза. — Меня будет искать мой муж, и я ушла от него добровольно. Если кто-нибудь скажет, что я не понимала своих поступков, вам следует сначала спросить меня.

— С дочерью Оскар обращался иначе, чем со мной, —

добавила я, когда Адриан посмотрел в сторону кухни. — Поэтому я слишком долго убеждала себя, что ещё могу потерпеть. Потом он начал интересоваться тем, что Лея слышит во сне, и я поняла, что ждать больше нельзя.

Мне хотелось закончить разговор на этом, не вытаскивая наружу всё, чему я до сих пор не нашла названия. Адриан заметил, как я стиснула ладони, и отодвинул лежавшие перед ним бумаги. Вместо новых вопросов он сказал, что ни слуги, ни охрана не получают права сообщать кому-либо о наших гостях.

— Что вы попросите взамен? — спросила я, не позволяя облегчению опередить ответ. — Я не смогу отплатить деньгами, и к мужу меня нельзя отправлять даже ради прекращения неприятностей. Если ваше покровительство предполагает, что я должна беспрекословно слушаться, лучше обсудить это сразу.

— Возвращаться к мужу я вас не заставляю, — ответил граф. — И благодарность мне не требуется. Однако до осмотра чар вы не должны входить в пробуждённые участки сада или позволять дочери разговаривать с теньями.

— Если она слышит их сквозь стену, запрет не поможет, — возразила я, кивнув на открытое окно. — Лея ещё не умеет отличать опасный голос от того, кому просто грустно. Я могу обещать, что не оставлю её одну возле деревьев, но не могу обещать того, чего не понимаю сама.

Адриан опустил глаза, обдумывая мои слова, и я впер-

вые заметила усталость под его сдержанностью. Он согласился, что правило следует уточнить, и предложил до вечера не подходить к фонтану, яблоне и старой оранжерее. Завтра мы могли обсудить дальнейшее, когда я отдохну, а садовник проверит дорожки.

Из соседней комнаты донеслось Леино требование объяснить, почему в каше оказалась изюмина без хвостика. Брина ответила с такой серьёзностью, будто речь шла о пропавшем фамильном украшении. Я невольно улыбнулась, и граф на мгновение посмотрел на мой рот прежде, чем поднялся проводить меня к дочери.

Лея осилила половину каши и два куска хлеба, после чего стала засыпать прямо за столом. Брина отправила за лекаркой, а нас повела наверх в жилое крыло, где пахло лавандой и воском. Я считала лестничные пролёты, запоминала повороты и старательно отворачивалась от зеркал, в которых выглядела старше своих двадцати восьми лет.

Нам отвели две соединённые комнаты, причём кровать в меньшей оказалась низкой, с удобной ступенькой. На подоконнике стояла пустая ваза, у камина лежали дрова, а на столике ждала миска с тёплой водой. Всё выглядело настолько подготовленным, что я спросила, не придётся ли ради нас выселять других гостей.

— Эти комнаты давно пустуют, — ответила Брина, открывая внутреннюю дверь. — Если захотите спать вместе, мы перестелем большую кровать. Здесь никто не собирается ре-

шать за вас, как удобно вашей дочери.

Я проверила окно, заметив под ним крышу нижней галереи, а затем тронула дверной замок. Брина заметила мою осторожность и спокойно показала, где лежит ключ от комнаты. На крючке за дверью висел ещё один, от маленькой кладовой с постельным бельём. Я поняла, что проверку не приняли за оскорбление, и впервые позволила себе поставить сумку на пол, а не держать возле ног.

— А хозяин не сердится, если пролить воду? — спросила Лея, осторожно окуная пальцы в миску. — Я иногда мимо попадаю, когда выжимаю тряпочку. Мама потом вытирает, только я могу и сама.

Брина принесла полотенце и положила на край столика, чтобы девочка могла достать. Она объяснила, что вода вытирается гораздо легче, чем пыль, и из-за неё ещё никто не лишился комнаты. Я отвернулась к окну, потому что от такого простого ответа на глаза неожиданно навернулись слёзы.

Лекарка пришла с коробкой перевязочного полотна и осмотрела Леины ноги без суеты. Она одобрила промытую рану, сменила повязку и оставила мазь, попросив день-два не затягивать башмак. Я повторила порядок обработки, чтобы не ошибиться от усталости, и женщина ответила мне как человеку, который понимает своё дело.

После ухода лекарки принесли воду для купания и чистые рубашки. Я согласилась отдать платье прачке, но сначала попросила вынуть из подшивки брачную запись. Потом Брина

предложила сменить одежду целиком, и я невольно прижала к себе сумку.

— Ваши вещи останутся вашими, — сказала управляющая, подбирая с пола пустую дорожную кружку. — Хотите, я сложу их на стул, а вы сами решите, что отдавать прачке? И документы лучше положить в ящик, он закрывается тем же ключом.

Лея уселась на краю кровати и спросила, можно ли оставить зайца на подушке. Я разрешила и пообещала сегодня же пришить ему недостающее ухо. Дочь посмотрела на мой карман, куда вчера был убран маленький свёрток ткани.

— Только не новое ухо, — попросила дочь, насупившись. — Старое ведь хорошее, оно просто устало держаться. Ты его не потеряла, правда?

Я вынула из внутреннего кармана маленький свёрток и показала знакомую полосатую ткань. Лея удовлетворённо кивнула, словно проверила самую важную вещь в наших скудных запасах. Потом она позволила искупать себя, а я впервые за несколько дней смогла распутать её волосы без торопливого оглядывания на дорогу.

Чистая рубашка оказалась дочери велика, и она смеялась, когда я подворачивала рукава. Этот смех вызвал такую большую радость, что я присела возле кровати и несколько раз пересчитала пуговицы, лишь бы не заплакать. Лея решила, что мне тоже хочется примерить новые вещи, и великодушно разрешила воспользоваться её миской.

Мы легли вместе на большую кровать и вскоре уснули. Когда я проснулась, солнце уже стояло у другого края окна. Возле двери на маленьком подносе лежали хлеб, сыр и записка Брины: завтрак не нужно было возвращать, даже если он теперь назывался обедом. Я прочла её дважды, затем поела, стараясь не спешить, и только после этого заметила второй листок.

На нём аккуратным мужским почерком было указано, что ключ от комнаты предназначен для нас и никто не войдёт без стука. Ни подписи, ни любезного пожелания там не было, однако я узнала точность Адриановых слов. Я положила записку возле своей брачной записи и впервые увидела, насколько разным может быть смысл бумаги, оставленной мужчиной.

Брина вернулась, когда я закончила одеваться, и предложила выйти на воздух, пока дочь ещё спит. Она обещала остаться в соседней комнате с открытой дверью, а если Лея проснётся, сразу привести её ко мне. Я колебалась достаточно долго, чтобы управляющая успела назвать дорожку, на которой меня смогут найти, и только тогда согласилась.

У стеклянного павильона на домашней стороне стены работал пожилой мужчина в старой куртке. Он поддерживал яблоневую ветку и никак не мог просунуть под неё опору, не задев молодой побег. Я подошла, подхватила ветку выше развилки и дождалась, пока он закрепит подпорку в земле.

— Томас, здешний садовник, — представился он, выпрямляясь с осторожностью. — С утра руки будто чужие, а

деревья решили вырастить все разом. Вы, должно быть, та самая гостья, которая добралась до оранжереи раньше хозяйна.

Я назвала своё имя и спросила, можно ли помочь с остальными ветвями. Томас посмотрел на мои пальцы, заметил въевшуюся в кожу землю и протянул моток мягкой бечёвки. Несколько минут мы работали молча, и эта простая занятость оказалась полезнее сна: движения напомнили мне, что я ещё умею что-то кроме бегства.

С домашней стороны находилась маленькая теплица, куда не дошла утренняя вспышка, и Томас предложил осмотреть рассаду. Вдоль прохода стояли горшки с блеклыми травами, хотя земля была влажной, а стёкла чистыми. Я остановилась возле лекарственного розмарина, коснулась края горшка и почувствовала то же странное ожидание, что у куста возле пристройки.

— Вы давно пересаживали его? — спросила я, разминая между пальцами верхний слой земли. — Корни не пахнут гнилью, но он всё время словно ждёт, когда снова станет холодно. Бывает, растение уже стоит в тепле, а продолжает болеть после заморозка.

— Такие здесь все, — ответил Томас, сняв шапку, чтобы вытереть лоб. — Меняем почву, поливаем, сушим, а на следующий день возвращается прежнее. Я иногда думаю, что им снится одна и та же зима, хотя восемь лет прошло.

Адриан вошёл в теплицу, пока я снимала с горшка плотно

намотанный металлический обод. Я поспешила объяснить, что Томас разрешил осмотр и запретную часть сада мы не трогали. Граф посмотрел на садовника, затем на освобождённый горшок и попросил сказать, зачем я убираю крепление.

— Оно удерживало трещину, но теперь сдавливает всё, что пытается расти, — ответила я, показывая тонкую зелёную нитку у края. — Посмотрите, побег нашёл щель и упёрся в металл. Если поддержать горшок иначе, можно сохранить и его, и растение.

Томас принёс деревянную опору, и мы закрепили треснувшую глину, оставив побегу место. Я попросила несколько дней осторожнее поливать растение, чтобы ослабленные корни не загнили. Граф выслушал до конца и спросил, где я училась этому делу.

— У отца, — сказала я, вытирая ладонь о тряпку. — Он занимался плодовыми деревьями, а лечебные травы я стала выращивать сама. Последние годы мне приходилось делать это урывками, но руки, кажется, ещё помнят.

— Если вам нужна помощь, я могла бы работать здесь, — предложила я, остановившись раньше, чем слова превратились в извинение. — Не бесплатно и не в счёт обязательства быть удобной гостьей. Мне нужны собственные деньги, чтобы купить дочери башмаки и иметь возможность решить, куда идти дальше.

— Вы предлагаете условия раньше, чем я успеваю назвать

работу, — заметил граф, и в его голосе на мгновение потеплело что-то похожее на улыбку. — Давайте начнём с этих растений и безопасной части возле дома. Установим недельную оплату, после чего вы сможете продолжить или отказаться.

Я уточнила, будет ли отказ означать, что нам придётся немедленно уехать. Адриан ответил, что жильё и защита уже предложены отдельно, и помощь с ребёнком не станет моим долгом перед поместьем. Томас сделал вид, что внимательно изучает лопнувшую глину, пока я боролась с желанием попросить повторить это ещё раз.

— Опасные участки я не возьму, пока не пойму, что там происходит, — сказала я, наконец решившись. — И мне нужны часы, когда я смогу быть с Леей. Она многое умеет делать сама, но просыпаться среди незнакомых людей ей пока тяжело.

Мы договорились о коротком рабочем дне и помощи Томаса, а условия граф велел записать в двух экземплярах. Он назвал сумму, достаточную для нужных покупок, и не стал уменьшать её, когда я растерялась. Возвращаясь к дому, я думала уже о будущих башмаках и вдруг поймала себя на том, что иду, не прислушиваясь к каждому звуку за спиной.

Лея ждала меня возле Брины и держала заячье ухо так бережно, будто оно было хрупкой птицей. Управляющая нашла иглу, нитки и маленькие ножницы, но дочь настояла, чтобы починку закончила мама. Я села у окна, прижала

ткань к знакомому шву и вдруг ощутила, насколько приятно выполнять обещание в тот же день, когда его дала.

Дочь следила за иглой, рассказывая, что Брина знает названия всех комнат, даже тех, куда не нужно ходить. Потом она спросила, можно ли прогуляться в саду, если держаться за мою руку и больше не допевать чужих песен. Я согласилась на короткую прогулку по домашней стороне стены, где Томас только что проверил дорожки.

Возле старой скамьи у боковой лестницы стоял Адриан. Он смотрел на дальние деревья так сосредоточенно, что не сразу заметил нас, и я собиралась повернуть к цветнику, чтобы не мешать. Но Лея увидела сломанную ножку скамьи и объявила, что тут нельзя садиться, потому что сиденье хитро наклоняется в одну сторону.

— Я предупрежу, чтобы её убрали, — сказал граф, отступая от дорожки. — Пока лучше воспользоваться креслами на террасе. Оттуда видно этот цветник, а ножки у них, насколько мне известно, не хитрят.

— А можно её починить? — спросила дочь, не двигаясь с места. — Тогда человеку не придётся уходить, если он хотел именно тут сидеть. Мама умеет находить больное у дерева, только у этой скамьи оно уже наружу видно.

Я начала объяснять, что графу наверняка некогда заниматься скамьями, однако он уже присел возле повреждённой ножки. Несколько мгновений изучал старое соединение, потом позвал проходившего мимо слугу и попросил инстру-

менты. Лея осторожно опустилась на низкий бордюр, а я осталась рядом, не понимая, следует ли благодарить за такую неожиданную уступку.

— Вы всегда так тихо разговариваете? — поинтересовалась Лея, когда слуга принёс ящик. — Даже когда что-нибудь ломается? У нас папа сначала говорит тихо, а потом уже слышно из другой комнаты.

Я опустилась рядом с дочерью и поправила съехавшую повязку, чтобы не смотреть на графа. Он не стал расспрашивать и только объяснил, что сломанная ножка вряд ли услышит громкий голос. Лея подумала и согласилась, добавив, что с зайцем крик тоже бы не помог, потому что ухо всё равно пришлось пришивать. Адриан попросил её подержать маленький молоток, пока он вставляет в соединение деревянный клинышек.

Я села рядом и впервые почувствовала себя участницей обычного разговора, в котором не нужно заранее угадывать правильный ответ. Лея возражала, что скамье требуется имя, если она пережила столько лет, а Адриан с полной серьёзностью предлагал назвать её в честь упрямой ножки. Мне пришлось вмешаться, когда дочь решила, что имя «Госпожа Хромая» будет очень вежливым.

— Вы же улыбались сейчас, — заметила Лея, передавая графу молоток. — А раньше у вас рот совсем не хотел. Ему тоже что-нибудь больно?

Он замер с инструментом в руке, и я поспешила объяс-

нить дочери, что люди не всегда хотят отвечать на такие вопросы. Однако Адриан покачал головой, словно просил дать ему время. Потом сказал, что улыбаться можно, просто он давно отвык, а рот в этом почти не виноват.

Лея приняла объяснение и занялась зайцем, устраивая его так, чтобы оба уха были хорошо видны. Я посмотрела на графа и заметила у глаз тонкие складки, которые исчезали, стоило ему снова принять сдержанное выражение. Он поймал мой взгляд, и я вместо привычного извинения сказала, что скамья получилась надёжнее, чем я ожидала.

— Впечатляющее достижение для дня, когда ожил закрытый сад, — ответил он, осторожно нажимая на сиденье. — Надеюсь, завтра список работ окажется короче. Хотя ваша дочь, вероятно, уже подготовила продолжение.

Мы сели, а граф отступил, проверяя, не качается ли доска под нашим весом. На ближайшем кусте раскрылся маленький белый цветок, хотя остальные бутоны ещё оставались плотно закрыты. Адриан заметил его одновременно со мной, и на мгновение между нами возникло общее молчание, совсем не похожее на то, которое я привыкла переживать дома.

Лея попросила воды, а я поняла, что она начинает устывать. Возвращаясь к двери, я поблагодарила графа за починку и добавила, что девочка редко так спокойно разговаривает с незнакомыми взрослыми. Он ответил, что завтра нужно будет убедиться в надёжности скамьи, и я услышала в этих словах осторожное обещание следующего дня.

Брина забрала Лею пить воду и выбирать чистый лоскут для заячьего жилета. Я решила, что успею вернуть Томасу моток бечёвки, оставшийся у меня в кармане после работы. Граф ушёл в дом через другую дверь, а я пошла вдоль стены, всё ещё думая о том, как он проверял скамью, прежде чем позволить нам сесть.

Томас собирал инструменты у теплицы и протянул руку за бечёвкой. Я отдала моток, затем заметила, что верхушка розмарина чуть поднялась над краем горшка. Садовник тоже посмотрел на неё и осторожно поправил деревянную опору.

— Неужели обод мешал настолько сильно? — спросила я, присев возле горшка. — Я думала, ему понадобится несколько дней, чтобы отойти. Здесь всё растёт слишком быстро или совсем не растёт, и я пока не понимаю, отчего это зависит.

Томас ответил, что крепление было лишь одной причиной болезни. На растения действовало всё, что переживали рядом с ними люди, а тепло иной раз помогало лучше удобрений. Я вспомнила белый цветок возле скамьи и поняла, насколько мало знаю о месте, где собираюсь работать.

— Мне нужно знать, на что я согласилась, — сказала я, поднимаясь. — Утром я решила, что увидела какое-то отражение прошлого, а потом моя дочь заговорила с ним. Вы ведь давно здесь работаете и наверняка понимаете больше, чем рассказали в теплице.

Садовник посмотрел на дверь дома, будто проверял, не стоит ли там хозяин. Потом снял перчатки и предложил

пройти к низкой ограде, откуда была видна старая оранжерея, но куда не дотягивались её ветви. Я остановилась рядом с ним, впервые заметив, насколько чётко разделены ухоженные дорожки и заросшее пространство за стеной.

— Я работал с госпожой Эларой, — сказал Томас, не повышая голоса. — Она знала этот сад лучше любого из нас и всё равно не смогла удержать его в ту ночь. После её смерти хозяин закрыл дальние ворота и велел никому не входить.

Я спросила, действительно ли тени показывают события прошлого. Томас ответил, что сад помнит лишь случившееся внутри его стен и иногда возвращает один-единственный обрывок. Даже правдивая картина может ввести в заблуждение, если не знать, что было до неё и чем всё закончилось.

— Значит, я могла видеть совсем не то, что подумала? — спросила я, сжимая край кармана. — Там была женщина у фонтана, а потом мужчина держал её на руках. Мне стало так больно, словно я сама кого-то потеряла, хотя я даже не знала их имён.

Томас резко повернулся ко мне, и я поняла, что сказала больше, чем собиралась. Он уточнил, когда это произошло и долго ли я стояла возле чаши. Я объяснила, что ушла сразу после видения, потому что Лея оставалась в пристройке, и только тогда его плечи немного опустились.

— Не пытайтесь досмотреть, — попросил он, проводя ладонью по старой ограде. — Иногда человек возвращается за ответом и перестаёт замечать, что живёт чужим вечером, а

свой день уже прошёл. Особенно когда увиденное касается того, что у него самого ещё болит.

Я вспомнила отцовскую ладонь и собственную слабость после возвращения к дочери. До этой минуты мне казалось, что я просто слишком устала, однако теперь ночное переживание получило пугающее объяснение. Я спросила, что делать, если тени опять появятся, и Томас посоветовал отходить к живому человеку, называя вслух настоящее место и день.

— А Лея ведь их слышит без таких картинок, — сказала я, глядя на окна нашей комнаты. — Она разговаривает, как с соседской девочкой, и не замечает опасности. Я не смогу всё время держать её за руку, даже если очень захочу.

— Ей понадобится научиться прекращать разговор, — ответил садовник, убирая перчатки в карман. — Но сначала взрослым следует понять, кто именно с ней говорит. До этого пусть ходит с вами и держится домашней стороны, как договорились с хозяином.

От ворот донёсся стук копыт, и через открытый проход во двор въехал человек в дорожном плаще. На боку у него висела кожаная сумка с гербом окружной канцелярии, а лошадь была покрыта засохшей пеной. Я невольно шагнула за ограду, прежде чем разглядела, что гонец даже не смотрит в мою сторону.

Томас спросил, не устала ли я, и я ответила, что пора вернуться к дочери. В доме Брина стояла у боковой лестни-

цы, держа сложенный лист, который ей только что передали. Она увидела меня, замедлила движение и впервые за день не смогла сразу найти обычные спокойные слова.

Адриан появился из коридора, и управляющая протянула ему бумагу. Он пробежал глазами первые строки, потом прочёл дальше, уже не меняя положения рук. Мне хватило этого молчания, чтобы узнать прежнюю жизнь раньше, чем я увидела знакомый почерк на вложенном письме.

— Это касается вас, — сказал граф, поворачивая лист так, чтобы я могла разглядеть имя. — Объявление о розыске разослано в окрестные поместья от имени вашего мужа. Прежде чем я отвечу, вы должны знать, что именно он сообщил.

Я прочла собственную фамилию и слова о малолетней дочери, увезённой без отцовского согласия. Ниже говорилось, что Мирелла Ренар страдает тяжёлым расстройством, не способна разумно оценивать опасность и может причинить вред ребёнку. Оскар просил людей о помощи так учтиво, словно я снова стояла перед ним в гостиной и никто не мог расслышать, что происходило за закрытой дверью.

С лестницы донёсся голос Леи, которая радостно сообщала, что Брина нашла для зайца зелёную пуговицу. Я подняла голову и увидела дочь в чистом платье, прижимающую к себе зайца с пришитыми ушами. Граф не спрятал письмо и не заговорил за меня, а я поняла, что завтра мне придётся научиться защищать этот день не только бегством.

Глава 3

Я прочла письмо ещё раз, хотя слова уже стояли перед глазами, заслоняя лестницу, Брину и край тёмного рукава графа. Оскар не написал ничего, что можно было бы легко опровергнуть одним предложением: он просил позаботиться о ребёнке, шадить больную женщину и сообщить ему, где мы находимся. За несколько лет я научилась узнавать угрозу даже там, где другой человек увидел бы только безупречную заботу.

Лея окликнула меня со ступеней, и я заставила себя поднять голову. Она показывала зелёную пуговицу, не подозревая, что её прежний дом только что попытался войти в этот вместе с почтовой сумкой. Я сказала, что пуговица замечательная, и попросила Брину помочь дочери подобрать нитку, пока я немного поговорю с графом.

— Возьмите письмо с собой, — произнёс Адриан, заметив, что я протягиваю лист обратно. — Мне прислали копию распоряжения, а вложение предназначено любому, кто встретит вас. Вы вправе знать его целиком и сохранить.

Мы вернулись в маленькую комнату возле кухни, где утром обсуждали условия убежища. Теперь из окна тянуло прохладой, а в камине оставались красные угли, и я села ближе к ним, не снимая ладони с бумаги. Граф занял прежнее место и дождался, пока я перестану водить пальцем по одной

и той же строке.

— Он не ищет меня потому, что беспокоится, — сказала я, наконец поднимая глаза. — Ему нужно, чтобы я вернулась и снова позволила решать за себя. Если я стану объяснять всё по порядку, вы, вероятно, спросите, почему я не ушла раньше, и на этот вопрос у меня нет красивого ответа.

— Сейчас вы здесь, — ответил Адриан, не отводя взгляда. — Мне необходимо понять, что способно привести его к этим дверям. Остальное вы расскажете, когда сочтёте нужным, и столько, сколько сможете.

Я медленно разжала пальцы, разглаживая смятый угол. Оскар находил пропавших людей, и за это его уважали даже те, кому он никогда не помогал: достаточно было услышать историю о ребёнке, возвращённом матери, или путнике, найденном в метель. Его дар начинался с чужой боли, и долгое время я считала это способностью сочувствовать.

— Он чувствует след пережитого, — объяснила я, подбирая слова. — Обычному ищейке нужны запах или вещь, а ему достаточно знать, отчего человеку было больно. Чем сильнее тот снова переживает это, тем яснее становится дорога.

Адриан спросил, умеет ли мой муж находить каждого, кого видел хотя бы раз. Я ответила, что иначе ни один беглец не смог бы от него скрыться, а Оскар порой возвращался без результата и потом срывал раздражение дома. Ему требовалось близко узнать чужую боль или получить вещь, с кото-

рой человек связал тяжёлое воспоминание.

— Со мной ему не нужны вещи, — добавила я, поглаживая левое запястье через рукав. — Он много раз заставлял меня повторять одни и те же разговоры, пока я начинала чувствовать себя виноватой ещё до его прихода. Иногда мне казалось, что он знает, когда я плачу, даже если находится в другой части города.

Граф посмотрел на мою руку, но не попросил показать её. Он сказал, что прикажет удвоить охрану у ворот и предупредит людей не впускать незнакомых посетителей, даже если те назовутся моими родственниками. Я кивнула, потом набралась смелости объяснить, почему этого будет мало.

— Стены остановят его самого, но след останется, — сказала я, пододвигая письмо к свету. — Оскар ведь написал именно то, чего я боюсь больше всего: будто могу навредить Лее и не способна о ней заботиться. Он знает, как заставить меня снова об этом думать, даже на расстоянии.

У Адриана напряглась челюсть, и мне захотелось забрать слова обратно, прежде чем его раздражение коснётся меня. Однако граф только уточнил, знаю ли я способ разорвать такой след, а услышав отрицательный ответ, предложил проверить защиту сада вместе с Томасом. Пока мы не поймём устройство преследования, он не станет отвечать мужу или отправлять людей по оставленным в письме адресам.

— Я пойду с вами, — сказала я, прежде чем он успел предложить мне ждать в доме. — Если чары реагируют на меня,

без меня вы увидите только половину. Лея останется с Бриной, а я остановлюсь, если станет тяжело.

Он согласился и придвинул мне лист, не пытаясь оставить его на своём столе. Я аккуратно сложила бумагу и спрятала в карман, хотя ещё минуту назад хотела сжечь её в камине. Теперь письмо было не приказом вернуться домой, а доказательством того, каким способом Оскар собирался нас вернуть.

Дочь встретила новость о прогулке без неё с недовольством, которое я почти приветствовала после прежней осторожности. Ей хотелось показать мне жилет для зайца, а сидеть с Бриной, когда мама снова уходит, казалось несправедливым. Я присела рядом, объяснила, куда именно иду, и договорилась вернуться до того, как они пришьют последнюю пуговицу.

Во дворе Томас уже ждал с фонарём и длинной палкой, на которую опирался при ходьбе. Он выслушал Адриана, не перебивая, потом предложил начать с внешней стены, где старые корни проходили под каменным основанием. До пробуждённой яблони идти не требовалось, и мне стало легче от того, что граф не отменил утреннюю осторожность ради первого же исследования.

Узкая дорожка тянулась вдоль стены между помещьем и запущенным садом. Томас называл деревья, отмечал старые повреждения кладки и показывал места, где прежде лежали защитные знаки. Адриан водил ладонью над камнем, а я шла

медленнее, прислушиваясь к растениям, которые уцелели у основания.

Под рябиной было трудно дышать, хотя там ничем не пахло. Мне вспомнился коридор прежнего дома, где я ожидала, пока Оскар закончит разговор со служанкой и решит, что делать со мной. Я остановилась, упёрлась ладонью в ствол и поняла, что ощущение приходит снизу, от слишком плотно переплетённых корней.

— Здесь хуже, — сказала я, стараясь не торопиться. — Не у всей стены, только возле этого дерева. Если отойти к груше, становится легче, а тут будто снова нужно ждать чужого разрешения.

Адриан начал было объяснять, что его проверка не обнаружила повреждения, но остановился и опустил рядом с корнями. Томас осторожно разгреб мокрые листья, открывая небольшой участок земли. Между тонкими отростками проступила серая полоска, похожая на след давно потухшего огня.

— Это остаток прежнего круга, — сказал граф, коснувшись воздуха над полоской. — Сверху чары целы, а в земле проход разошёлся. Я проверял стену, но не корни, и потому не заметил.

В его голосе не было ни оправдания, ни недовольства тем, что ошибку увидела я. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы принять эту простую возможность: мужчина мог признать мою правоту, не сделав её новым поводом для ссо-

ры. Я присела рядом и попросила Томаса дать мне тонкую деревянную лопаточку вместо железной.

Корень под повреждённым знаком был жив, однако два молодых отростка тянулись в разные стороны, словно их всё время дёргали. Я не решилась ничего обрезать, только освободила землю вокруг и нашла опорный корень, который уходил к груше. Когда мы с Томасом закрепили его мягкой бечёвкой, тяжесть у рябины немного ослабла.

— Это не починка, — предупредила я, убирая ладони. — Мы лишь перестали давить на то, что ещё держится. Если сила опять пойдёт через разрыв, одной подвязки не хватит.

— Значит, подвязка даст нам время, — ответил Адриан, вынимая из кармана небольшой металлический знак. — Я укреплю здесь внешний слой и отмечу участок для полного осмотра. А вы скажете, если дерево снова начнёт болеть, даже если камень будет выглядеть целым.

Он снял перчатку, чтобы закрепить знак, и рукав на мгновение отступил от запястья. Под ним виднелись неровные светлые ожоги, уходившие выше, чем я заметила утром. Я отвернулась прежде, чем он поймал мой взгляд, потому что знала о происхождении этих следов больше, чем он мне рассказывал.

От прикосновения графа камень нагрелся, и запах сырой земли стал сильнее. Это было необычно, но у человека, управляющего защитой целого поместья, наверняка имелись способности, о которых я ничего не знала. Адриан снова на-

дел перчатку и спросил, изменилось ли ощущение возле дерева.

Я ответила, что давление стало слабее, хотя чувство ожидания не исчезло. Томас отметил место кусочком светлой ткани, а граф предложил на сегодня закончить проверку, чтобы не тревожить разрыв дальше. В этот момент на листья упали первые тяжёлые капли, и мы поспешили к ближайшей оранжерее на домашней стороне стены.

Томас ушёл за инструментами, оставленными у теплицы, а нас с Адрианом отправил переждать дождь под целой крышей. Здесь пахло глиной, розмарином и недавно протёртыми стёклами, так что я невольно посмотрела на свой горшок. Он стоял на деревянной опоре, и зелёный побег у края по-прежнему держался прямо.

На рабочем столе лежал поднос с чайником, хлебом и двумя чашками. Брина оставила рядом записку, что Лея приберегла для меня кусок пирога и успела пришить только одну пуговицу. Я поняла, что договорённое время ещё не истекло, и впервые позволила себе присесть, не торопясь немедленно бежать к дочери.

— Брина всегда знает, кто окажется возле чайника? — спросила я, разглядывая аккуратную записку. — Или в этом доме все прогулки заканчиваются здесь? Утром она будто заранее приготавилась к нашему приходу.

— Она приготавилась к дождю, — ответил Адриан, подвигая мне чашку. — Мы с Томасом слишком часто оста-

ёмся без обеда, когда начинаем осмотр. Брина считает, что убеждать взрослых поесть бесполезно, а оставить еду у них на пути гораздо надёжнее.

Мне понравилось, что он сказал это без снисходительной улыбки в сторону управляющей. Я взяла хлеб, заметив, насколько сильно проголодалась после работы, и граф налил чай сначала мне, потом себе. За стёклами барабанил дождь, отделяя нас от сада не хуже закрытой двери.

Разговор начался с розмарина и понемногу ушёл к работе моего отца. Я рассказала, как в детстве путала прививочные бирки и однажды подписала кислую яблоню медовой, из-за чего заказчик приезжал жаловаться каждую осень. Адриан слушал внимательно, а когда я закончила, заметил, что покупатель всё-таки дал дереву несколько лет доказать свою невиновность.

Я засмеялась, представив отца, который наверняка оценил бы такое оправдание. Потом спросила, нравилось ли графу заниматься садом до того, как его закрыли, и сразу пожалела о неловком переходе. Однако он ответил, что умел сажать деревья, но всегда переоценивал расстояние между ними, отчего Томас тайком переставлял половину колышков.

— Он и сейчас не вполне доверяет вашим расчётам, — сказала я, вспоминая недовольный взгляд садовника на рябину. — Только делает это очень вежливо. Наверное, за много лет придумал, как спорить так, чтобы вы не замечали.

— Я замечаю, — возразил Адриан, и угол его рта наконец

дрогнул. — Иногда просто удобнее согласиться на третьем объяснении. Иначе он начинает с истории моего деда, а после неё вечер обычно уже кончается.

Я смотрела на его лицо и пыталась совместить этого человека с хозяином сада, который встретил нас утром. Без приказов и вопросов он казался моложе, а привычная прямота плеч больше не выглядела предупреждением держаться подальше. Когда он поднял глаза от чашки, я опустила взгляд, чувствуя странное смущение из-за обычного разговора.

Леины привычки оказались безопасной темой, и я рассказала, почему дочь придаёт такое значение коробкам для камней. Каждый найденный камешек у неё имел собственную историю, а самый гладкий считался яйцом птицы, которая пока не решила вылупиться. Граф спросил, где теперь эта коллекция, и я ответила, что мы оставили её под кроватью в прежнем доме.

Он не стал обещать немедленно вернуть камни или купить более дорогие. Вместо этого заметил, что возле ручья на его земле много гладкой светлой гальки и весной её можно собирать целыми горстями. От этого «весной» у меня потеплело внутри, хотя никто ещё не договорился, где мы будем даже через неделю.

Я потянулась за чайником и случайно задела его чашку. Адриан придержал её раньше, чем чай пролился, а я извинилась так быстро и привычно, что услышала собственный голос будто со стороны. Граф поставил чашку дальше от края

и некоторое время молчал, не продолжая прежнюю тему.

— Вам не нужно просить прощения за каждый неловкий жест, — сказал он наконец. — Я видел, как вы работаете с корнями, и знаю, что умеете быть осторожной. Но рядом со мной вы иногда двигаетесь так, словно за разбитую чашку последует что-то большее, чем уборка.

Ответ был слишком близко к правде, чтобы я смогла отшутиться. Я посмотрела на чайник, сказала, что привыкла заранее объяснять случайности, и замолчала, чувствуя, как возвращается тяжесть письма в кармане. Адриан не стал вытягивать дальнейшее признание, только спросил, нужно ли ещё чаю, и я согласилась без нового извинения.

Дождь ослаб, а у двери появился Томас с мокрой шапкой в руках. Он сообщил, что Брина требует вернуть гостей, пока ужин не остыл, и граф поднялся, взяв пустой поднос. На обратном пути я думала о том, что за целый разговор никто не спросил, насколько я была хорошей женой, и от этого хотелось одновременно улыбаться и плакать.

Вечером Лея показывала мне жилет для зайца, а я внимательно слушала историю каждой пуговицы. Ужин принесли в комнату, чтобы ей не пришлось лишний раз ходить по лестнице, и мы ели у окна, наблюдая, как темнеют мокрые деревья. Дочь уснула в маленькой кровати, настояв, что проверит ступеньку сама, но внутреннюю дверь мы оставили открытой.

Я положила письмо в ящик вместе с брачной записью и

закрыла замок. Несколько минут сидела, прислушиваясь к тишине, потом погасила большую свечу и легла, оставив маленькую гореть возле дочери. Мне казалось, что усталость не позволит увидеть сны, однако я снова оказалась в знакомом коридоре.

Во сне Оскар стоял у детской двери и держал мою дорожную сумку. Он говорил тихо, что хороший отец обязан проверить, кто учит ребёнка прятать правду, а я никак не могла разжать пальцы на ручке. За дверью Лея звала меня, но от каждого её слова коридор становился длиннее.

Я проснулась от боли в запястье, будто кто-то затянул под кожей горячую проволоку. В комнате было темно, кроме свечи за внутренней дверью, и несколько мгновений я не понимала, где нахожусь. Потом увидела чужую вазу на подоконнике и вспомнила поместье, но дыхание уже сорвалось, а рука не переставала болеть.

Снаружи по стеклу скользнула ветка, хотя вечером ближайшее дерево росло далеко от окна. За ней появилась ещё одна, с длинными колючками, и я вскочила, пытаюсь понять, не осталось ли в комнате открытого прохода. От резкого движения закачалась тень от стула, и мне показалось, что за дверью опять стоит Оскар.

Я схватила ключ, но пальцы не попадали в замок, а во рту оставался вкус того сна. Где-то в коридоре зазвучали шаги, и я попятилась, ненавидя себя за то, что не успеваю добраться до дочери. Только когда снаружи назвали моё имя, я узнала

голос Адриана и удержалась от крика.

— Мирелла, у окна растут ветви, — сказал он через дверь.
— Человек внизу заметил их и позвал меня, но я не знаю, что происходит в комнате. Вы можете ответить, нужна ли помощь и могу ли я войти?

Я попыталась произнести его имя, однако вышел только оборванный вдох. Граф не стал дёргать ручку и повторил вопрос, дав мне время на ответ. Я наконец сказала «да», повернула ключ обеими руками и отступила, открывая дверь настолько, чтобы он мог пройти.

Адриан остановился сразу за порогом, посмотрел на окно и на внутреннюю дверь. Лея ещё спала, а колючие побеги снаружи уже царапали стекло с таким звуком, словно кто-то проверял щеколду. Я хотела объяснить, что всё началось после сна, но вместо этого сказала, что муж заберёт дочь и никто не поверит мне.

— Я слышу вас, — ответил граф, не приближаясь резко.
— Сейчас вы в своей комнате, а Лея спит за этой дверью. Посмотрите на свечу рядом с её кроватью и скажите, видите ли вы огонь.

Я повернула голову, различила жёлтый огонёк и заставила себя кивнуть. Он попросил назвать ещё что-нибудь из комнаты, и я сказала про вазу, хотя голос всё ещё дрожал. Потом услышала собственное дыхание и поняла, что мне больше не нужно удерживать дверь прежнего дома.

Адриан предложил сесть и спросил, можно ли поддержать

меня за локоть. Я согласилась, почувствовав сквозь ткань тепло его ладони, и добралась до кресла. Он отпустил руку сразу, как только я села, а потом придвинул воду, не требуя выпить её немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.